

Николь Воскресная родилась 10 апреля 1990 года. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета. Живет во Владивостоке.

Произведения публиковались в коллективных сборниках, журналах, литературных альманахах «Сокровенные души» (Москва), «Алые паруса» (Владивосток), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), «Отражение» (Санкт-Петербург), «Магнолия» (Санкт-Петербург), «Вакуум» (Владивосток), «Форма слова» (Кострома) и др. Победитель литературного конкурса Петроглиф, номинация поэзия 2022. Член Союза писателей России.

Николь Воскресная г. Владивосток

Разорвав на себе вязь,
воя волком бежать в лес.
Разве это благословение?
Забывать о том, кто ты есть,
кто приносит тебе поклонение.
Где твои касания - грязь,

только морока в воздухе взвесь,
тонкий слоем туманная бязь.
Цвет осеннего солнца отдаёт томлением.
Так бессмысленно плодить из смерти смерть,
для мгновения веселясь.
Если каждый, рождённый проживёт ещё какое-то время.

Странных образов полнится галерея.
Этот свет вдалеке зеленее,
чем античная медь,
и никак нельзя порвать эту сеть.

Старые чары, слепота,
цепляться за ручки, как за руки.
Я оставлю на тебе только следы огня,
оживи меня, заговором,
словно я аптечная трава,
ставшая сладостным варевом.

Ощути внутри бьющую плоть:
шесть гремящих подвесок,
всё что больше не станет тлеть,
заводящий плутать перелесок.

Приворотное, приторное, притворное -
чёрный опиумный кларнет,
проклиная твоё веселье.
Земля пахнет как смородина и чёрный хлеб,
пусть и тягостно это зелье,
зеленее твоих глаз нет.

Ожидается дождь, бояться звуков.
Последние ворота: море ударов ножа,
для привередливого слуха.
Только даже помадой закрасить нельзя

то, что мое тело не имеет границ, сыпятся заговоренные
четки,
рассеянный газовый свет,
ослепших страниц
рук неживых, глаз, не моргающих контур не четкий,
растерянный клад из монет.

Красное пасхальное яйцо, отданное в воскресенье Дьяволу.
Кто встрепенёт над тобой крыльями?

Руками, плетущими гобелен словно стены, горят и расплавлены,
старым узором нити ложатся цветами чернильными.

Ни стыда, ни раскаянья в голосе,
дерево перевоплощения:
оковы земли разрывает поросль,
город полон колдовства и гниения.

Капли этой мороси, белые и прозрачные,
ниткой жемчуга подаренные дни.
Выходили дорогами мрачными,
призрачные корабли.

Невзрачными незрячим туманом,
Заметленно-белым начисто.
Перелицованным наизнанку обманом,
мир ютится на игольном кончике, а правда прячется.

Неуместная лирика

Мне жаль покидать город,
но не жаль покидать людей.
Посильней застегнув ворот,
из ворот выходить чуть стемнеет.

Я здесь знаю каждую стену,
вот тупик, а вот поворот,
он на ощупь выведет пленного,
словно сватает и выдает.

Он запомнит меня юной,
на ветру я, горнист и дождь.
И зрачком подослепшим лунным,
смотрит вслед, на то, как ты уйдешь.

Истома охотника

На игральной доске все фигуры расставлены наоборот.
Прикасаясь отравленным клинком – кончиком языка,
надкусить жемчужный леденец твоего кадыка.
Соединительная ткань предыдущих жизней –
узкий водоворот.

Словно ярче других гуляющий по бритве свет,
а веревка виселицы плачет не из-за дождя,
но хвалебная скорбь невесомый предмет,
моя страсть обернулась проклятьем, летит прямо в тебя.

Взять только то, до чего нельзя дотянуться,
не расплескав густое горячее нежного мятежа
последний глаз слепого распутства,
я всё убийцей снюсь тебе, холодной удавки шарф,

который осени этой совсем не к лицу
так наблюдают за птицей в прицел
с тоской когда-то разъединённых тел
стреляют в пестрейшего арлекина с криком: «танцуй!»

Под вечер башен не станет.
Лиловый и темно-серый,
внутри механизм без деталей,
ты - дьявольский сплав, кто поверит?

Пристрастия-верный недуг,
не порох, не кокаин, но мел
легчайший смятения дух
остра мясорубка дел.

Бумагой сминается кожа,
на пальцах чернильные пятна,

я скромная бестия, но не прохожий,
часы что идут обратно.

Лазарь

Солнце поило Лазаря,
маковым молоком.
Все, что погибло за зиму,
все оживет потом.

Все что в ночи неприкаянно
бродят как бродишь ты,
лёгкими каплями в мае,
всходят, ростками светлы.

Многоязыкий грех,
чью красоту присваивать?
Перья ломают доспех,
чтобы впитать сияние.

Пойди в поле нарви бадыля,
рви и плач пока не срастет,
поперек и вдоль сентября,
дурной кожей сбросишь в костер.

У победы острящий вкус,
развлеченье больных и увечных.
Некрасивый ползущий куст,
никогда не сгорающий вечер.

Не всегда подходят слова
у чего-то и голоса нет,
непрозрачный как скорлупа,
и не прощенный как совет.